

Трудная паства байкальского имама

Имаму Иркутской соборной мечети Фариту Мингалееву досталась, вероятно, самая непростая паства. Мусульманская община Иркутска сегодня в большинстве своём состоит из людей приезжих. Есть в их числе шииты и сунниты. Все они молятся в одном храме.

Имам убеждён, что всех объединяет Иркутск, всегда славившийся своей толерантностью и терпимостью. До 34 лет Фарит Мингалеев и не помышлял о том, что станет священнослужителем: работал горным инженером, считая это делом своей жизни. А в прошлом году выступил инициатором объединения мусульман в Иркутской области в муфтият. Об этом в интервью Натальи Мичуриной.

— У вас, наверно, самая сложная и многонациональная община в Иркутске?

— Большинство составляют представители мусульманских народов Поволжья, Средней Азии и Кавказа. Есть русские. У нас есть один замечательный прихожанин — Филимонов Константин Геннадьевич. Он начал посещать мечеть, когда был ещё школьником. Потом окончил филологический. Два раза уезжал в Египет, там учился у шейхов. Сейчас взял имя Сабит. Владеет арабским, обучает детишек — преподаёт арабский и основы веры. Жаль, что вы не можете с ним познакомиться, он в отъезде.

А община у нас, действительно, многонациональная. Тут есть и сунниты, и шииты. Но молятся все вместе. Сложность в том, что на внутриобщинные отношения могут налагать отпечаток родовые традиции, которые к исламу не имеют никакого отношения. Многое, что в сознании современного человека ассоциируется с исламом, например, то же ношение паранджи, идёт ещё из язычества.

И всё-таки основу общины составляют иркутяне, хотя в количественном составе в мечети не преобладают. Приезжие люди понимают своё положение гостей. У нас тут межнациональные отношения не становятся предметом противостояния. А местные жители несут в себе заряд толерантности, всегда отличавший Иркутск.

Наш разговор начался с небольшой экскурсии по Иркутской мечети. В этом году ей исполнится 107 лет. За основу архитектуры мечети легли образцы каменных мечетей Среднего Поволжья, в частности Казани. Самый большой денежный взнос на её строительство сделали иркутские купцы братья Шафигуллины. Об этом хорошо помнят нынешние служители мечети.

Имам проводит нас из одного зала в другой: «С этой кафедры я читаю молитвы, проповеди». Проповеди традиционно в Иркутской мечети читаются на татарском. «Здесь раньше была в основном татарско-башкирская община, — рассказывает Фарит Мингалеев. — Сейчас многие татары не знают родного языка, да и к тому же появились люди других наций, поэтому всё, что на татарском говорю, потом перевожу на русский язык. После начинается призыв к молитве, и уже саму молитву читаю на арабском, как во всех мечетях мира».

— Антитеррористические кампании отражаются на отношении окружающих? Вы чувствуете, что люди становятся всё более нетерпимыми? Начинают заражаться исламофобией?

— Я уверен, что на преступление людей толкают нужда. Корень конфликтов не религиозный, а социальный. В том, что сейчас происходит, не стоит, на мой взгляд, искать религиозных корней. Мусульмане не должны оправдываться: они живут по законам государства, соблюдая свои религиозные обычаи. Мусульмане же в России — коренные жители. Эта религия на территории современной России появилась раньше православия.

А что касается окружающих, по отношению к себе или к мечети я не чувствую какого-то негатива. И серьёзных случаев притеснения мусульман в Иркутске не припомню. Мне кажется, что во многом всё зависит от самих мусульман. У нас община достаточно автономная, небольшая. Постоянно на пятничную молитву приходят около 300 человек. Все друг у друга на виду. Допускаю, что кто-то страдает. Но это в меньшей степени относится к нашим прихожанам, потому что в мечеть приходят благочестивые, внушающие уважение люди. Они вместе с исламом впитали в себя лучшие общечеловеческие нравственные качества. Но есть, конечно, люди, которые лишь по имени мусульмане.

Я смотрю телевизор, читаю газеты, слышу, что некоторые мусульманские организации страдают. Где-то кого-то чиновники притесняют. Или в дела мечети вмешивается милиция. Кто знает, может, они сами виноваты? У нас такого нет, и мы молимся, чтобы не было никогда. Наверно, исторические традиции сказываются. У нас ситуация иная. Даже в безусловно сложные 2001 и 2002 годы, во время войны в Чечне, ничего плохого не запало в душу.

— А чем завершилась история четырёхлетней давности, связанная с обстрелом мечети? Вы её как-то объясняете, могло ли это быть связано с криминалом?

— Я не буду строить предположения. Мы обратились для расследования в органы внутренних дел и положились на них. Это ничем не закончилось. Всё произошло летней ночью со среды на четверг. В то время в мечети проводили зикр. Кто-то выстрелил по зданию мечети с улицы. Но за неимением улик дело прекращено.

— Как устроено сейчас региональное мусульманское сообщество?

— В прошлом году в Иркутской области был создан муфтият. Он объединяет существующие в регионе восемь общин. Меня избрали руководителем. Я являюсь муфтием. Вот и вся иерархия. До середины девяностых мусульманская община в России была единой, централизованной, с центром в Уфе. С тех пор действуют региональные автономные общины. Все стали сами выживать. В нашей области, кроме иркутской, ещё три мечети — в Черемхове, в Тайшете и Усолье-Сибирском. Они старые, деревянные. А молельный дом в Ангарске появился в октябре прошлого года. Иркутские прихожане помогали. Средств не так много, живём в основном на пожертвования прихожан. Но надо отдать должное администрации области и города Иркутска, они помогают сохранять Иркутскую мечеть как памятник архитектуры. Вряд ли община с этим справилась бы.

— Мечеть принадлежит общине?

— Нет. У нас безвозмездная аренда на 15 лет. Здание принадлежит государству и является памятником архитектуры. Большинство церквей стремятся получить храмы в собственность, но нас устраивает такое положение дел. К тому же нам государство помогает, следит на правах собственника за состоянием здания, ремонтирует его. Хотя власти финансово поддерживают и те храмы, что принадлежат религиозным общинам.

Конечно, сами мы бы не осилили ремонт мечети. Он стоит 40 млн. рублей. В Иркутске среди прихожан особенно богатых людей нет. И в основном к нам ходят приезжие. А коренная татаро-башкирская община в Иркутске невелика — всего семь тысяч человек. За время советской власти многие ассимилировались. И очень немногие ходят в мечеть.

Недавно в мечети был завершён ремонт цокольного этажа. Там обводнённость была высокая. Сделали гидроизоляцию, фундамент укрепили. Сейчас побелили перед праздниками. Будем менять крышу, потолки, окна, полы. Вся лепнина будет восстанавливаться.

Ещё на очереди восстановление минарета. Его разрушили в 1939-м. Раньше с минарета муэдзин возвещал о начале молитвы пять раз в день. А все жители, жившие вокруг, совершали молитвы. Сейчас во многих мечетях призывы муэдзинов заменили сообщения из колонки, установленной на минарете. Но мы на улице редко вещаем. В основном внутри. Вокруг мечети ведь не только мусульмане живут, стараемся беречь покой жителей округа.

— Мечеть будет закрыта на время ремонта?

— В цокольном этаже будем молиться. Надо сказать, что мечеть практически всегда действовала. Её закрывали лишь на несколько лет, в 1939 году. А после войны открыли. Здесь был клуб ДОСААФ. Долгое время наравне с верующими здание делили советские организации. Здесь, к примеру, находился цех швейной фабрики. А в цокольном этаже вовсе располагались коммунальные квартиры и там жили люди. И только в восьмидесятых мечеть была отдана мусульманской общине.

На её территории было двухэтажное деревянное здание. Раньше было медресе. Часть здания сгорела в 80-е годы, теперь восстанавливаем. Занятия ведём прямо в молельном зале: видите, стульчики, доска, здесь ребята учатся. Приходят около десятка мальчиков. Приходят и пожилые, в основном женщины. Учатся молитвы читать.

— Вы строите медресе на пожертвования прихожан?

— Да. Правда, теперь строим из кирпича. У здания будет много назначений. Здесь люди будут совершать омовение. Одна комната будет ритуальным залом. А в верхнем этаже сделаем административное помещение, там же будут проходить занятия. А мечеть будет только для молитвы.

По праздникам (у нас два праздника — Курбан-Байрам и Ураза-Байрам) к нам много людей приходит. Мечеть всех уже и не вмещает. Люди стоят на улице.

В пятницу у нас тоже молельные залы заполняются, люди молятся и в цокольном этаже. Если дойдёт до того, что и цокольный этаж переполнится, будем просить место для второй мечети. Пятничная молитва у нас общая. Прихожане собираются со всех концов города. Сейчас намного больше стало приходить людей, чем 10 лет назад. Тогда мы умещались все в маленьком зале.

— Интерес к религии увеличился или дело только в мигрантах с Кавказа и Средней Азии, которых становится всё больше?

— Так чётко нельзя ответить. Конечно, у нас много приезжих. Часто бывает, девушка познакомится с парнем мусульманином и вслед за ним приходит в мечеть. Но среди прихожан, скажем, есть священник лютеранской церкви, который принял ислам. В основном у нас прихожане молодые. Я знаю, что и в других конфессиях также. Хорошо, что они находят время пообщаться с богом. Когда я впервые пришёл в мечеть, здесь молились главным образом люди в возрасте.

— А когда это было?

— Это был 1994 год. Тогда умер мой отец. И в тот момент произошла перемена в моей жизни. Мне было уже 35 лет.

Когда я первый раз пришёл в мечеть, здесь всё было по-другому. Двери обиты дермантином, холодный коридор. Мне навстречу вышел почтенный человек. Он меня спросил, какой я национальности. Я говорю, татарин. И тогда он сказал, что в мечети служит пожилой человек, надо готовить молодых на смену.

— Вы родились в религиозной семье?

— Родители были верующими людьми. У нас большая семья, я был последний в семье, девятый. Жили мы в посёлке Касьяновка в Черемхове. 10 классов там окончил. И отец, и мать уже умерли и похоронены в Черемховском районе на мусульманском кладбище. Помню, между собой они разговаривали на татарском языке и нас приучали. Родители — из раскулаченных. Их отправили в Сибирь из Башкирии в начале тридцатых. Когда реабилитировали, они уже не захотели вернуться. Хотя четверо сестёр впоследствии уехали в Башкирию. Но моя родина здесь.

У нас в посёлке было около пятидесяти татарских и башкирских семей. Пожилые люди собирались вместе и молились. Вы, наверно, знаете, мусульмане пять раз в день молятся. А в Рамазан раздавались пожертвования бедным. Курбан — это жертвоприношение. Надо было купить животное и мясом поделиться с бедными. Это всё у нас в семье выполнялось.

— Вы пришли в ислам под влиянием родителей?

— Родители никогда не принуждали нас, детей, к религии. Кроме меня, никто из моих братьев и сестёр не посещает мечеть, но, думаю, в душе они верят.

Мне кажется, что дело не только в родителях. Я всегда увлекался языками. В школе — английским. Потом появился интерес к арабскому. Сначала я занимался самостоятельно, в библиотеке. После узнал, что татарско-башкирский центр открыл курсы арабского языка. Преподавателями были студенты мединститута из Судана и Мавритании. Занятия проходили раз в неделю. Но на занятия ходили в основном пожилые люди.

Ребята, преподававшие арабский, были мусульманами и ходили по пятницам в мечеть. Когда я впервые с ними пришёл в мечеть, молиться ещё не умел. В то время сюда приходило очень мало людей. За десять лет, что я здесь работаю, жизнь общины намного изменилась и оживилась.

— Вы думали о том, что когда-нибудь станете священнослужителем?

— Нет. После школы я поступил в политехнический институт. Получил специальность горного инженера. И 15 лет отдал этой работе. У нас семья с горным делом связана прочно. Отец 25 лет в шахте в Черемхове проработал. Брат — машинист роторного экскаватора на угольном разрезе в Бурятии. Мне нравилась работа

горного инженера, была в ней романтика, и это настоящий мужской труд. Три года проработал в Иргиредмете. Даже хотел кандидатскую защищать, сдал кандидатский минимум. Надо было ехать в аспирантуру в Свердловск или Москву. Но с мыслью о науке пришлось расстаться. Появилась семья, надо было устраивать быт. Пошёл в геолого-разведочный техникум преподавать горное дело. Потом работал в проектно-конструкторском бюро «Востсибугля», после на заводе строительных материалов, в карьере по добыче глин. Получил квартиру, в которой до сих пор живём.

Просто пришло время, когда на вопрос председателя общины, хочу ли я учиться, чтобы работать имамом, я дал согласие. Дальше всё произошло очень быстро. Уволился, поехал в Казань, в медресе.

— Ваша учёба в медресе была продолжительной?

— Два года. Надо сказать, что там учились молодые люди 18-19 лет из близлежащих к Казани городов, посёлков. Наверно, я был самым старшим из слушателей. Жил прямо в мечети рядом с медресе, одновременно её сторожил, мне даже зарплату за это платили. Помню, однажды труба лопнула, мечеть осталась без тепла, сутками приходилось в помещении находиться в шубе и валенках.

Моей дипломной работой был перевод Корана со старотатарского на кириллицу. В 1997 году вернулся в Иркутск. А уже в 1999 году совершил паломничество в Мекку и Медину, выполнив обязанность каждого мусульманина.

— Ваш выбор отразился на отношениях внутри семьи?

— Нет, никоим образом.

Наш разговор на время прерывает настоятель католического храма отец Андрей. Он зашёл в мечеть, чтобы пригласить нашего собеседника на встречу региональных лидеров конфессий. «Как правило, собираются руководители мусульманской, еврейской, буддийской и католической общин, — поясняет отец Андрей. — Только православные священники редко присоединяются к нам».

— Существуют ли сегодня какие-то противоречия между священниками Русской православной церкви и лидерами других конфессий?

— Нет, конечно. Мы встречаемся на официальных мероприятиях, организуемых мэрией или областными властями. В прошлом году лидеры конфессий даже записали ролик против наркотиков. Но когда в прошлом году мы узнали, что в российских школах собираются ввести уроки православия и капелланов в армии, представители традиционных конфессий высказали отрицательное к этому отношение. Это, конечно, нежелательно. Надо стоять на позициях равенства религий. Мы понимаем, что православных больше и именно поэтому Русской православной церкви оказывается больше внимания властей. Но хотелось, чтобы дальше этого не пошло.

— Когда возникает потребность в общении руководителей разных конфессий?

— У нас сложились товарищеские отношения, недавно, например, я получил приглашение от иркутского раввина на торжество по поводу дня рождения его сына. Вместе мы можем обсуждать общечеловеческие проблемы или какие-нибудь хозяйственные вопросы. Но друг друга переубеждать не собираемся. Мы верим, что каждый по-своему прав. Прихожанам разных конфессий тоже надо устанавливать дружеское общение.

Биографическая справка

Мингалеев Фарит Мирзагитович родился 16 сентября 1959 года в Черемхове Иркутской области. С 1976 года живёт в г.Иркутске. В 1981 году окончил Иркутский политехнический институт.

С 1994 года стал прихожанином Иркутской соборной мечети.

С 1995 по 1997 г. по направлению мусульманской общины г.Иркутска учился в Казанском высшем мусульманском медресе. Окончил средний курс и получил квалификации имам-хатыба, преподавателя основ ислама и переводчика арабского языка. После окончания медресе работал муэдзином в Иркутской соборной мечети.

В декабре 1997 года на общем собрании прихожан мечети избран имам-хатыбом Иркутской соборной мечети. С 2000 года — руководитель (казый) централизованной религиозной организации мусульман Иркутской области «Байкальский казыят». В 2006 году избран муфтием мусульманской общины Иркутской области.

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)